

Затем следует: „Польский библейный словарь самых странных имен великороссийским, [вместо „великороссиянам“] неудобноразумеваемый“ [в латинской транскрипции], составленный по книгам Библии и псалмам Давида и с латинскими терминами. Словарь этот является переработкой Thesaurus'a Кнапского, 1613 [опечатка, вероятно вместо 1643 г.], с пропусками. Встречается тут много опечаток».

Вот все у К. Эстрейхера. Это мало и вместе с тем много. Мало потому, что он не раскрывает нам лексикографической лаборатории Кондратовича. А ведь его первый печатный польско-русский словарь является определенным этапом, если не в непосредственных польско-русских отношениях, то в широком потоке польско-латино-церковно-русских языковых связей, принсенных волной политических и культурных сношений территорий Украины, Белоруссии, Польши и России.

С другой стороны, можно смело сказать, что справка К. Эстрейхера дает максимум возможного хотя бы потому, что при современном состоянии исторической лексикографии не много можно добавить уточнений и разъяснений.

А разъяснения ожидают, по крайней мере, 3 составные части Словаря Кондратовича: а) информационное вступление и приложенные в конце названия польских месяцев с русским переводом, б) польско-русский словарь — основной стержень книги, в) библейный польско-славяно-латинский словарь.

Все упомянутые составные части, как видно, собраны из разных, не зависящих друг от друга источников. Здесь я останавлиюсь на самой существенной части книги, т. е. на польско-русском словаре. Из формулировки К. Эстрейхера можно было бы сделать вывод о том, что русский лексикограф якобы занимался переработкой и сокращением «Тезауруса» Кнапского с целью использования его для русской кальки своего словаря. Этот момент требует уточнения, так как не очень пространный «Тезаурус» Кнапского после произведенных пропусков стал основой состава польских слов в книге Кондратовича. Эту цель осуществил несомненно один из многочисленных польско-латинских словарей, переделанных из «Тезауруса» Кнапского для школьного употребления и печатавшихся в течение XVII и XVIII вв. в различных видоизмененных версиях в частных краковских типографиях или в типографиях иезуитских школьных коллегий.

Достаточно привести несколько изданий этих словариков, озаглавленных чаще всего «Synonyma seu Dictionarium Polono-Latinum in usum studiosae juventutis Polonae ex Thesaurο Gregorij Snařii Soc. Iesu collectum», чтобы предстала картина их большой распространенности: Краков, 1643, 1649, 1664, 1669, 1693, 1703, 1722, 1744; Калиш, 1681, 1682, 1683, 1688, 1696, 1701, 1719, 1729, 1733, 1744, 1756, 1760, 1764, 1786; Львов, 1722, 1736, 1745, 1764; Познань, 1691, 1703, 1715, 1722; Гданьск. 1705; Сандомеж, 1734, 1756, 1783; Варшава, 1790, 1793.

«Синонима» насчитывали всего 36 изданий.² Сюда входят также словари, основывающиеся на словаре Кнапского и носящие фамилии авторов этих переработок, как например К. Ширвида «Dictionarium polono-latinum», изданный в Варшаве в 1641 г., «Польско-латино-литовский словарь», напечатанный в Вильне в 1713 г., «Польско-латинский словарь» (тт. I—II) Б. Вороновского, изданный в Калише в 1769 г.

Сравнение 11 экземпляров польско-латинских словарей со Словарем Кондратовича в отношении объема польских слов (подчеркнутый в приведенном выше перечне год издания обозначает доступные мне экземпляры

² К. Эстрейхер. Польская библиография, т. 30, стр. 167; т. 19, стр. 332—333.